

930
Terra

Вестник суннизма

Уоррус ѡѡѡ

Сборник
Идрис Шах – вестник суфизма
Серия «Эзо-terra»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6698394
Идрис Шах – вестник суфизма: Афина; Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-91271-046-9

Аннотация

Человек велик в своем потенциале, но так мало его использует. Увлечшись разумом, мы почти отказались от глубин и вершин собственного Духа.

Мы захлебываемся, бродя по колена в море информации, и отчаянно боимся упасть, если только поднимаем глаза к небу. Но тот же разум требует расширить взаимодействие с миром, смотреть и видеть, прикасаться и чувствовать, ощущать и переживать его во всей полноте.

ЭЗО-terra – территория тех, кто уже вдохнул воздух свободы и попытался рассказать об этом остальным. Это мир глазами видящих, зов в слове услышавших, воплощение Духа в сосудах человеческой смелости, безрассудства и мудрости.

ЭЗО-terra – взгляд на нашу жизнь со следующей ступени бытия, набор инструментов для будущего, оставленный нам Мастерами.

Пришло время действия со знанием!

На белоснежном мраморном надгробье его могилы высечены строки Руми: «Не смотри в мое лицо, но возьми то, что у меня в руке».

Идрис Шах (Idries Shah, Sayed Idries el-Hashimi) (1924–1996) – предприниматель и автор сотен текстов, прямой потомок Мухаммада (по одной из версий) и научный директор Института изучения культур, основатель издательства и Учитель, тайный советник властителей восточных империй, человек, одним из первых открывший Западу сокровенное знание суфизма.

В чем секрет Великого шейха суфиев, жившего в Лондоне в доме с гобеленами на стенах и запивавшего английским элем совершенно европейский бифштекс? Где таинственность, экзотика, тайное знание? Может быть, там, за фасадом биографии, хранится притча о его истинной жизни?

Содержание

«Возьми то, что у меня в руке»	4
Часть 1. Детство – источник жизни	5
На отрогах Гималаев	5
Легенды родословного древа	7
Сказки Симлы	14
Прощайте, Гималаи, здравствуй, Саттон	16
Часть 2. Юность: ветер перемен	17
Тяготы войны: эвакуация, бомбежки	17
Оксфорд. Три года науки	19
«Желаю быть мудрым»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Идрис Шах – вестник суфизма

«Возьми то, что у меня в руке»

На белоснежном мраморном надгробье его могилы высечены строки Руми: «Не смотри, в мое лицо, но возьми то, что у меня в руке».

Идрис Шах (Idries Shah, Sayed Idries el-Hashimi, 1924–1996) – один из самых известных людей среди тех, кто представляет суфийскую эзотерическую традицию XX века.

Успешный предприниматель и автор более 35 книг и сотни монографий, переведенных на множество языков мира, прямой потомок Мухаммада и научный директор Института изучения культур, основатель издательства и Учитель, тайный советчик властителей восточных империй – Великий шейх суфиев, человек, одним из первых открывший Западу это учение и приложивший массу усилий для его популяризации.

Его книги можно найти и в магазинах эзотерической литературы, и в библиотеках Оксфорда: труд «Суфизм», связавший классическую суфийскую литературную традицию со средневековым христианством и иудаизмом, – программное пособие для студентов этого элитного учебного заведения. На авторитет Идриса Шаха ссылались журнал *Nature* и знаменитая писательница Дорис Лессинг; его имя есть и в популярной энциклопедии «Man, Myth and Magic». Кажется, он самый популярный суфий на Западе: самый западный суфий или самый суфийский европеец?

Книги Идриса Шаха – это притчи, обучающие притчи для тех, кто проникся суфизмом. Написаны они просто и увлекательно и касаются, кажется, всех аспектов земного существования человека: выбранного пути, семьи, взаимоотношений в обществе, жизненного опыта. С каждым годом они обретают все новых и новых читателей.

Шах не хотел, чтобы его называли гуру, как неоднократно и заявлял в интервью. Видимо, поэтому многие аспекты его жизни до сих пор были скрыты покровом тайны.

Часть 1. Детство – источник жизни

На отрогах Гималаев

...Он любил смотреть на горы, хорошо видимые в прозрачном утреннем воздухе и еще не укрытые облаками, которые к обеду всегда заволакивали их вершины. В величественных очертаниях зубчатых заснеженных пиков Пир Панджала и Большого Гималайского Хребта, скрывающихся в глубине небес, он ощущал неземное величие и покой. Старший брат еще спал, мать хлопотала по хозяйству, отец сидел над своими рукописями, а маленький Идрис, тайком от всех забравшись на широкую пологую крышу, разглядывал вершины таких близких и таких далеких Гималаев.

Эти горы потом снились ему в течение всей жизни, в самые переломные моменты, как будто одной своей мощью убеждая его в правильности выбранного пути и придавая сил.

Снился ему и родной город Симла на его пяти больших холмах. «Летняя столица Индии», как назвал его Киплинг. Снился лабиринт узких улиц, спиралями каменных ступеней спускавшихся от отрога Ридж, где Шах родился и где прошли самые счастливые годы его детства.

Больше всего он любил теплые и сухие ноябрьские дни, когда воздух казался хрустальным, дома и люди на улицах, казалось, начинали светиться. Он любил и теплую зиму, когда вода в уличных лужах редко покрывалась хрустким льдом, но часто шел пушистый снег; любил и весну с ее резкими переменами ветра и холодными ливнями, пришедшими с гор; и лето с его наплывом туристов.

Сбежавшие из Калькутты из-за ее влажной жары, английские джентльмены с трубками и в твидовых пиджаках и леди в шелковых платьях были ласковы к маленькому афганскому мальчику в чистом нарядном костюме. Ему не нужно заискивать перед ними, как другим мальчишкам, чистильщикам или носильщикам: он ведь происходит из *respected Afghan family*, как говорили туристы, – уважаемой афганской семьи древнего рода Пахман (*Paghman saadat*).

Но никто из чопорных англичан даже представить себе не мог, что через несколько десятков лет этот худенький смуглый мальчик, держащий себя с таким достоинством, станет властителем умов и одним из самых влиятельных людей Англии.

Джафар, сын Йахйа из Лиссабона, решил отыскать суфийского «Учителя века» и еще юношей отправился в Мекку на его поиски.

Там он встретил таинственного незнакомца, человека в зеленом, который сам внезапно обратился к нему:

– Ты ищешь Величайшего Шейха, Учителя Века. Но ты ищешь его на Востоке, когда он на Западе. И еще одно неправильно в твоих поисках.

Он направил Джафара обратно в Андалусию и указал искать человека по имени Мохи ад-дин, сына аль-Араби, из рода Хатим-Тай: «Он – Величайший Шейх».

Умалчивая о причине своих поисков, Джафар отыскал семью Тай в Турции и осведомился об их сыне. Оказалось, что, когда Джафар покинул дом в поисках Учителя, Мохи ад-дин находился в Лиссабоне. В конце концов он отыскал его в Севилье.

– Вот Мохи ад-дин, – сказал ему один священник. Он указал на мальчишку– школьника с книгой Священного Писания под мышкой, спешившего из лекционного зала.

Джафар растерялся, но остановил мальчишку и спросил:

– Кто является Величайшим Учителем?

– Мне нужно время, чтобы ответить на этот вопрос, – сказал тот.

– Ты единственный Мохи ад-дин, сын аль-Араби, из рода Тай? – спросил Джафар.

– Да, это я.

– Тогда ты мне не нужен.

Тридцать лет спустя, в Алеппо, он очутился в лекционном зале Величайшего Шейха Мохи ад-дина аль-Араби, из рода Тай. Мохи ад-дин заметил, как он вошел, и сказал:

– Теперь, когда я готов ответить на вопрос, поставленный тобою, нет необходимости задавать его. Тридцать лет тому назад, Джафар, я не был тебе нужен. По–прежнему ли я не нужен тебе? Когда-то человек в зеленом указал на нечто неправильное в твоих поисках – время и место.

Джафар, сын Йахйа, стал одним из наиболее продвинувшихся учеников аль-Араби.

Идрис Шах. Путь суфиев

Легенды родословного древа

Идрис Шах, или Сайед Идрис эль-Хашими, родился в индийском городе Симле 16 июня 1924 года. Его родителями были шотландка Элизабет Л. Маккензи и афганец Сирдар Икбал Али Шах.

Отец Идриса, Сирдар Икбал Али Шах, сын Амджеда Али, одного из самых влиятельных вождей древнего афганского племени Пахман, родился в 1894 году в индийском городке Садхана. Потом он стал весьма популярным писателем и дипломатом, а также тайным советником и наперсником таких влиятельных восточных мировых лидеров, как президент Турции Ататюрк, шах Афганистана Амануллах, король Албании Зог и король Египта Фуад. Причем столь близкое знакомство с королевскими особами не слишком способствовало росту семейного благосостояния...

«Как утверждал Грейвс, Идрис Шах и его брат Омар были потомками Мухаммада по мужской линии и обладали секретными знаниями суфиев. Эту информацию Грейвс получил от самих братьев Шах» (Миранда Сеймур. Роберт Грейвс – жизнь на краю).

По версии самого Идриса, его род хашимидов (или в иной транскрипции – сасинитов) – один из древнейших на Земле. Он ведет свое начало от потомков Хашима Манафа, прадеда самого Пророка Мухаммада.

В официальной биографии Идриса Шаха утверждается, что его древняя и достойная родословная в 1970 году была проверена и подтверждена докторами исламского права, и принадлежность к роду Пророка по самому рождению дает ему право на получение по генетической линии духовной власти суфийского учителя. Среди множества его родовых титулов были такие, как Sharif (принц крови), Badshah (независимый), Emir (эмир), Sirdar (генерал) и Nadrat (святой).

У Шаха, как и у любого великого человека, были помимо учеников, преданных поклонников и яростных сторонников и серьезные противники.

Один из них, Джеймс Мур, в работе «Неосуфизм: случай Идриса Шаха» выразил свой, весьма критический взгляд на генеалогическое древо нашего героя и написал о том, что претензии Идриса Шаха могут быть рассмотрены как весьма приблизительная теория. Если он и является Сейедом, то только вместе с миллионом предполагаемых потомков младшего внука Мухаммада – Хусейна. И как тогда говорить о передаче ему особой духовной власти?

Второе же предположение Шаха о его происхождении «от чресл Абрахама» и от последних королей Сисанидов кажется Джеймсу Муру еще более фантастичным, «печальной областью творческой генеалогии». Эта теория должна опираться на происхождение потомков исключительно по старшей мужской линии от Мухаммада, но никто не учел того затруднения, что все три сына Пророка, по легенде, умерли в младенчестве.

А вот что пишет в своей книге «Бабуин мадам Блаватской» Питер Вашингтон: «Если Шах и в самом деле происходил от Мухаммада, то, естественно, не по основной мужской линии, как говорили сторонники Шаха, потому что таковой не было. Три сына Мухаммада умерли в младенчестве, и род продолжили его дочь Фатима, зять Али и два их сына, Хасан и Хусейн».

Ты, ради забавы бодающийся с бараном, Ты скоро увидишь разбитую голову.

Идрис Шах. Путь суфиев

Мур писал: «Прослеживаемая родословная Шаха заканчивается в пределах туманного афганского клана из Пахман, местечка в пятидесяти милях от Кабула». Ни Мур, ни Вашинг-

тон не отрицали, что семья Идриса, принадлежавшая к афганскому роду из Пахман, была весьма богатой и уважаемой и ее глава очень умело выстраивал отношения с британцами.

Во всяком случае, есть вполне достоверные и многочисленные сведения о прадедушке Идриса: Саид Магомет Хан стойко поддерживал Шаха Шуджи, ставленника британских колониальных властей. В течение всей его жизни он стойко придерживался пробританских симпатий, и за это английский король вознаградил его дворянским титулом с именем Джан Фишхан Хан и обширными поместьями. Кабульские государственные чиновники проявляли к этому человеку искреннее уважение за прямое и открытое поведение (в общем-то не свойственное хитрым вождям афганских кланов) и звали его «помещиком Пегамии», а по версии Мура, он получил прозвище Фанатик за то, что поддерживал британские интересы против своих мусульманских единоверцев.

Он участвовал в военном походе сэра Роберта Сейла от Кабула до Джелалабада, и его воины помогали британцам захватывать высоты прохода Тизин. В донесениях, которые отправлял Сейл, говорилось, что Хан Фишхан – один из «немногих вождей, которые показали искреннюю преданность британским интересам».

Английская военная кампания 1839 года была короткой и победоносной: вступив в Афганистан в марте, в июле войска взяли Кабул и поставили в нем Шаха Шуджи. Войска британцев расположились на отдых, но, как оказалось, война не была закончена. Прямой потомок низложенного англичанами эмира Мухаммада, которого отправили в ссылку в Индию, начал склонять на свою сторону полудикие афганские племена. А недалёковидные англичане в этот момент сократили денежные субсидии, с помощью которых когда-то привлекли на свою сторону горные кланы, полностью контролировавшие Хайберское ущелье – практически единственную транспортную магистраль, по которой англичане получали снабжение. После сокращения выплат пуштунам, единственная связь с западным миром была оборвана, и армия оказалась в ловушке.

В результате восстания в 1841 году, когда горные племена захватили британскую резиденцию, они поставили во главе страны сына эмира Мухаммада, который с восточным коварством предложил британским войскам свое сопровождение через Хайберское ущелье при отступлении, но вместо этого позволил горцам уничтожить всю армию – до Джелалабада добралось всего несколько человек.

В отместку свежие британские войска, посланные из Англии, на своем пути от Джелалабада до Кабула начали истреблять всех мужчин старше четырнадцати лет. Новый ставленник бежал в горы с немногочисленным отрядом телохранителей, и колониальные английские власти снова стали контролировать страну, попытавшись извлечь уроки из своих ошибок.

Главным уроком стало то, что к кланам горцев (например, к тому, который возглавлял прадед Идриса) нужен был особый подход. На перевалах и в ущельях жили особые люди – каждое поселение было крепостью, находившейся в состоянии перманентной войны с соседями. Племена пуштунов – хайбери, юсуфзаи, баракзаи – век за веком спускались на равнину, чтобы добывать себе пропитание разбоем. Вместо Закона здесь были свои непоколебимые правила, например «бадал» – кровная месть за оскорбление или смерть родственника, правило «нанавати», гарантировавшее безопасность любому путнику, попросившему убежища в доме хозяина.

Этих людей нельзя было завоевать, их можно было только подкупить, одновременно применяя запугивание и тонкие политические игры, сталкивавшие племена между собой. Их нельзя было подчинить цивилизации – с ними можно было только попытаться договориться.

Прадед Идриса, видимо, был намного дальновидней своих соплеменников, одним из первых начав сотрудничать с англичанами и извлекая из этого сотрудничества весьма ощутимую прибыль для себя и своего племени. И вот как раз за пробританские симпатии ему пожаловали титул и плодородные земли неподалеку от Кабула. Правда, через некоторое время

семья лишилась собственности, доставшейся клану, и Джан Фишхан Хан перевез всех в Индию, в поместье Садхана возле Дели, где и сегодня проживают потомки одной из ветвей этого рода.

Дед Идриса, Амджед Али, по семейным преданиям, был одним из муршидов, или наставников, ордена суфиев Накшибанди.

В суфийской традиции существует несколько путей передачи, трансляции учения:

джазба – путь привлечения божественным, пассивная форма непосредственного переживания религиозного откровения и духовного знания;

сулук – активная форма достижения непосредственного переживания духовного знания;

увайси – наследование непосредственно пережитого духовного знания от духа (например, от духовной сущности умершего учителя или святого);

принцип силсилы – преемственность пережитого духовного знания от духовной стороны личности муршида (учителя) его учеником (мюридом) – непрерывная цепь духовной преемственности;

родовое наследование духовного знания от отца к сыну. Неоспоримое духовное лидерство суфийских шейхов чаще всего обосновывается именно этой причиной.

Так что для учеников, а также критиков Идриса Шаха его связь с суфийской традицией, выраженная преемственностью или генетическим наследованием, кажется неоспоримой или, по крайней мере, наиболее вероятной.

Накшибанди, или Накшбанди, – один из наиболее влиятельных и мощных тарикатов (тарикат – община, орден), связанный с именем великого шейха Бахгаутдина Накшибанди (1318–1389) и названный в его честь. В Бухаре в честь этого учителя возведен мавзолей, к стенам которого стекается множество паломников-суфиев. В разное время членами этого тариката были имам Шамиль, Алишер Навои и Джами.

Члены тариката Накшибанди считают, что на пути к достижению осознания реальности и высшему пику пути, состоянию Фан, когда сердце открывается Вседержителю и впускает Его, есть несколько макам (макам – стадия или, как чаще говорят, ступень пути). Эти ступени, их очередность и продолжительность для каждого ученика-суфия могут быть разными, но обычно сначала человек учится правильно произносить и писать молитву, на следующей ступени пытается устанавливать контроль над дыханием, затем учится осознавать себя в любой момент времени и так далее. Самые распространенные духовные практики данного тариката – это халват дар анджуман – одиночество в толпе; базгашт – трезвость ума; хуш дар дам – сознательное дыхание; яддашт – память об Аллахе.

Пройдя все ступени пути, суфий может достичь просветления.

Один из серьезных критиков Идриса Шаха и его работ Мир Харвен писал, что преемственность была прервана и Идрис Шах не мог быть шейхом, так как не был шейхом его отец. «Его отец, Сирдар Икбал Али Шах, не был шейхом ни в каком ордене дервишей, особенно Накшибанди, который, по некоторым критериям, наиболее строгий и фундаменталистский суфийский орден».

Но ему можно возразить, опираясь на то, что есть много тарикатов Накшибанди – турецкий, индийский, афганский и другие, – можно быть шейхом в любом из них и быть истинным шейхом. К тому же мы уже упоминали о том, что духовная традиция может передаваться как генетически, так и от учителя к ученику, и зачастую такое обучение, этот этап пути суфия, по той или иной причине не предается огласке среди непосвященных.

Скорее всего, так было и с отцом Идриса Шаха, и с самим Идрисом.

Сын Амджеда Али, отец Идриса – Сирдар Икбал Али Шах (1894–1969), фундаменталистскому Афганистану предпочел демократическую Европу. Юношей он переехал в Эдинбург, столицу Шотландии, изучать медицину (но не это было его истинным призванием).

Во время Первой мировой войны он поступил волонтером в индийскую больницу в Брайтоне и не был призван на военную службу. В Эдинбурге скромный студент-афганец, прилежно посещавший занятия по медицине, встретил юную белокожую красавицу Элизабет Л. Маккензи, так похожую на звезду немого кино.

Существует легенда, что мать Шаха, сильная и решительная женщина, вопреки воле отца связавшая свою судьбу с афганским принцем клана Пахман («Мезальянс!» – возмущались родственники с той и с другой стороны), вела свой род от герцога Гамильтона (и поэтому впоследствии свои книги она издавала под псевдонимом).

Идрис Шах не опровергал, но и не подтверждал эти слухи. Но вряд ли отец Элизабет Л. Маккензи мог иметь какое-либо отношение к роду Гамильтонов, к тому же доподлинно известно, что ни двенадцатый, ни тринадцатый герцоги не имели дочерей (или внебрачной связи, от которой родились бы дочери), о чем есть свидетельства в «Истории дома Гамильтонов», написанной полковником Джорджем Гамильтоном. Это несмотря на то, что один из эксцентричных членов этой семьи, сэр Чарльз Эдвард Арчибальд Уоткинсон Гамильтон, принял ислам в 1923 году, взяв себе имя Абдулла.

До встречи с красивым и мужественным афганским принцем жизнь Элизабет текла абсолютно предсказуемо: домашнее обучение, курсы, далее должно было быть удачное замужество с обеспеченным будущим... Если бы модная в то время ясновидица К. увидела в хрустальном шаре ее судьбу – переезд в «дикий» Афганистан, принятие мусульманства (Элизабет была убежденной протестанткой), свадьбу, похожую на сказку из «Тысячи и одной ночи», посредничество в примирении враждующих афганских кланов, – она бы расхохоталась. Но любовь смуглого юноши перевернула всю жизнь Элизабет.

Мать Идриса описала историю своей любви в книге, спустя многие годы выпущенной в издательстве ее младшего сына. Она называлась «Моя Хайберская свадьба» – в честь Хайберского ущелья, откуда происходил род Шаха, и выпущена была под псевдонимом Мораг Мюррей; на русский язык книга не была переведена.

...Первая встреча Элизабет с Сирдаром Икбалом Али Шахом произошла при весьма необычных обстоятельствах. В Европе бушевала Первая мировая война, но Эдинбург не выглядел безжизненным и мрачным военным городом. Казалось, что война – выдумка досужих журналистов. Хотя многие строительные работы были свернуты и по вечерам город погружался в темно-синий призрачный сумрак (фонари были покрашены из-за возможных налетов), но кафе и кондитерские работали, а в театрах и танцзалах было не протолкнуться.

В городе было много раненых, точнее, раненые лежали в госпиталях, а улицы города были заполнены выздоравливающими молодыми мужчинами, оправляющимися от ранений; и каждый день на фронт уходили полные эшелоны. Военная лихорадка особенным образом влияла на настроения молодых людей – они торопились жить и чувствовать и решались на революционные в своей безрассудности поступки. В первую очередь они хотели внести посильный вклад в победу.

В мирные дни Элизабет увлекала лишь живопись, и девушка проводила целые дни в городском парке за этюдными зарисовками, но с началом войны она забросила свое увлечение – ей хотелось проводить больше времени среди людей, чтобы не так ощущать свое одиночество после гибели брата.

Кто-то из знакомых предложил поработать волонтером на складе медицинского оборудования или заняться продажей флагов для сбора пожертвований в помощь фронту. Эллис с радостью взялась за работу, порой проводя на улицах родного Эдинбурга по двенадцать часов в день, предлагая прохожим купить флаг в честь грядущей победы.

Девушка, работавшая с ней, как-то раз пригласила Элизабет на прием в университет. Эллис, занятой однообразной, хотя и очень важной работой, ужасно захотелось туда попасть, и она настойчиво уговаривала отца отпустить ее. Отец ворчал, говорил о студентах, что они

дикие и вольнодумцы, но все-таки согласился, поставив условие, чтобы Элизабет была дома строго в десять часов вечера. Ей дали всего два часа на развлечения, но она была счастлива и взволнованна.

Элизабет долго примеряла платье из розовой тафты, подбирала к нему розовые туфли и чулки и прикрепляла на волосы маленькие мускусные розочки – наверное, она была похожа на клубничное мороженое. Самой себе она ужасно понравилась: Золушка отправилась на свой первый бал.

Зал университета поразил ее своими размерами, количеством красивых студенток, одетых совсем не так, как она, и тем, сколько людей разных национальностей было вокруг: маленькие японцы и огромные африканцы, индусы, арабы – все были так ярко и экзотично одеты, а в английской речи то и дело были слышны фразы на непонятных языках.

Глядя на чужое волнение, Элизабет немного успокоилась. И тут, как и должно быть в сказке, на пороге появился прекрасный Принц. По лицу смуглого юноши Элизабет не могла угадать, к какой национальности он принадлежит, и спросила об этом спутницу, которая ответила, что хорошо его знает, что он очень умный, и говорят, что он афганский принц.

Элизабет не могла отвести от юноши глаз – ей нравилось в нем все: и что он принц, и что он держится прямо, как завоеватель, но в то же время естественно, и его резкие черты лица, и его спокойствие в противовес волнению окружающих, и его галантные манеры; то, как он раскланивался с дамами, ей ужасно понравилось. Она тут же загадала, что хочет быть одной из тех дам, на которых он обратит свое внимание.

Но сама Элизабет пряталась за спинами гостей, а когда ее избранник подошел к ним совсем близко, подруге пришлось ее позвать, чтобы представить молодых людей друг другу. Элизабет хотелось провалиться сквозь пол, и она не могла поднять глаза на юношу, и тот, чтобы снять неловкость, предложил принести ей чаю.

Когда он отошел, Эллис почувствовала, что все ее мечты сбылись, у нее прекрасный кавалер. Сирдар захватил для нее и кусок шоколадного пирога, а девушка поинтересовалась, почему он не взял сладости и себе. «Мужчины гор не думают о булочках», – ответил Сирдар, и Эллис потеряла дар речи.

Они танцевали, говорили о горах и Афганистане, когда Элизабет вдруг заметила, что уже половина одиннадцатого. А ведь она обещала быть дома в десять – как ей теперь оправдываться, как добираться до дома и сколько времени это еще займет?

Она чуть не плакала и рассказала о своей беде Сирдару, который тут же любезно предложил отвезти ее и ее спутницу по домам. Он ушел искать подружку Эллис, а она загадывала про себя, чтобы ту никогда не нашли. Озадаченный безрезультатным поиском, Сирдар вернулся, и через несколько минут они уже сидели вдвоем в его автомобиле. Ехали они быстро, а девушка разрывалась между двумя противоположными эмоциями – радостью быть вместе с ним и страхом перед отцом, если он их увидит вдвоем.

Машина подъехала к дому. Элизабет тихо прошептала «спасибо», Сирдар поцеловал ей руку и спросил, может ли еще иметь честь увидеть ее. Эллис, хотя ей очень не хотелось уходить, помнила о фонаре, под которым они стояли, и очень боялась, что отец рассмотрит ее спутника как следует. «Мои родители не разрешат этого», – сказала она, добежала до двери и еще раз оглянулась на своего провожатого. Грустный, он показался ей очень красивым; и засыпая, и проснувшись на следующее утро, она думала только о нем.

...Так началась прекрасная история любви – девушка наконец встретила своего Принца. Но не все в романе, как и в отношениях родителей Идриса, развивалось по законам сказки. Через несколько месяцев отец Элизабет сказал, что решил после окончания войны выдать ее замуж за сына своего школьного друга. Элизабет была потрясена и рассказала отцу о своем афганском друге, о невинных дружеских встречах и искренней симпатии, а в ответ услышала: «Это должно немедленно прекратиться. Садись и пиши ему письмо под

мою диктовку, что ты выходишь замуж и вы не увидите больше». Отец был в бешенстве. Она была протестанткой, ее друг – мусульманином.

– Он сделает тебя своей рабыней! А когда ты ему надоешь, глупая девчонка, он подсыплет тебе в пищу толченого стекла и похоронит в пустыне, – кричал ей отец.

Покорная воле отца, Элизабет написала письмо под его диктовку, но после недели душевных страданий написала второе с просьбой о свидании. Влюбленные помирились, и узнав, что девушка свободна, афганский принц попросил ее стать его женой. И она сказала «да».

Он обратился к ее отцу, но тот ответил юноше отказом, объяснив его молодостью невесты. Сирдар Икбал телеграфировал своему отцу. Ответ Амджеда Али был коротким: «Категорически против». Он указывал на то, что невеста не мусульманка и не выдержит жизни в горном племени, которое находится в состоянии войны.

Мать Сирдара была более красноречива:

– Сынок, зачем тебе белая жена? Белые женщины не могут быть верными женами – даже будучи замужем, они кокетничают с другими мужчинами. Они пьют алкоголь! Что от таких можно ждать!

Каких усилий стоило влюбленным сломить сопротивление семей, трудно даже представить. Элизабет приняла решение стать мусульманкой и следовать за женихом повсюду, и они все-таки получили благословение родителей. После бракосочетания в европейской традиции Элизабет отправилась с мужем в Афганистан, в родовое поселение семейства Шахов, расположенное в ущелье Хайбер, между Пакистаном и Индией...

У самого спуска в долину обрывалась железная дорога, и за шлагбаумом терял силу любой закон, кроме закона гор. Это зона племен, где власть, как и века до этого, принадлежит вождям – племенным и клановым лидерам. Здесь зародился Талибан, горцы до сих пор подчиняются только своим маликам, а высший орган власти – это совет родовых старейшин... Двадцать лет Элизабет провела в стране, где живы обычаи кровной мести и женщины существуют совсем в других по сравнению с европейскими странами социальных и психологических условиях.

После примерки роскошного, искрящегося блестками наряда, который подарила ей свекровь в придачу к маленькому ларцу с кучей драгоценностей такой величины и великолепия, каких Элизабет даже не могла себе представить; после купания в молоке ослицы и ванны из розовой воды, предварявших церемонию брака, которая сделала ее жительницей Форта Кох; после всего изобилия неожиданных впечатлений она постаралась стать одной из них, этих странных женщин, и даже научилась защищать форт от нападений других племен, когда мужчины были далеко.

Элизабет никогда не пожалела о своем выборе и всю свою жизнь полагала, что проблемы в смешанных браках возникают лишь потому, что мужчины «становятся жертвами женщин "неправильного" класса». Ее же брак оказался на редкость удачным; Элизабет родила мужу двух сыновей – Идриса и Омара и дочь Амину.

Когда Идрис был еще маленьким, семья перебралась в Симлу, поближе к цивилизации.

Мое сердце может принять любой внешний вид. Сердце меняется в соответствии с изменением сознания во мне. Оно может предстать в виде луга с газелями, монастыря, храма с идолом, Каабы – цели паломников, скрижалей Торы для определенных наук, дара листов Корана.

Моя обязанность – вернуть долг Любви. Я свободно и с готовностью принимаю всякую ношу, возлагаемую на мои плечи. Любовь подобна любви влюбленных, с той разницей, что вместо любви к необычному моя любовь – к Сущности. Такова моя религия, таков долг, такова вера. Назначение человеческой любви – явить любовь превышную, истинную. Именно эта

любовь является сознательной. При той, другой, человек теряет осознание себя.

Идрис Шах. Путь суфиев

Сказки Симлы

Сирдар Икбал воспитывал сына в любви к суфийской традиции, он учил его особому подходу к постижению жизни, считая что Идрис должен получить свой собственный опыт о мире. Несмотря на высокое происхождение, он настоял, чтобы мальчик год проработал чернорабочим на ферме (а впоследствии он получил и армейский опыт).

Он не отдал его в школу, полагаясь на домашнее обучение. Так что Идрис никогда не посещал школу в формальном смысле слова: «Я получал образование в старой восточной традиции, по которой если я должен был изучить какой-то предмет, то всегда находили того (учителя. – *Прим. ред.*), кто мог мне это преподавать», – вспоминает Идрис Шах в интервью Великий шейх суфиев Эдвину Кистеру-мл.

Ему нравилось ходить с отцом на суфийские служения.

Участники ритуала рассаживались по кругу, в центре садился халиф, руководящий бдением. Собрание открывалось первым символом исповедания веры «Нет Бога, кроме Аллаха», которую собравшиеся произносили до тридцати раз, затем при словах «Аллах, он Аллах» дервиши поднимались и начинали наклоняться сначала влево, затем вправо. Молитва продолжалась; вдохи и выдохи, наклоны и повороты, запрокидывание головы ритмично чередовались в темпе, который задавал халиф. Голоса, вначале еле слышимые, возрастали до крика, а темп, очень медленный в начале молитвы, все увеличивался. Некоторые суфии впадали в удивительное экстатическое состояние, которое сначала пугало маленького Идриса, но и возбуждало в нем удивительное любопытство.

Он рано научился зикру – духовному упражнению, целью которого является чувство божественного присутствия внутри себя, отказ от собственной сущности и сосредоточение на имени Бога или молитвы, содержащей одно из имен Бога. Идрису нравился танец дервишей – завораживающий, всегда изменчивый и неизменный, ни на что не похожий. Может быть, он и не достигал хала – состояния божественного экстаза, – но его посещали некие откровения относительно его будущего пути. Правда, в этих видениях никогда не было его любимых гор, а были странные здания, непохожие на дома родной Симлы.

Однажды ему приснился сон, как будто он слышит звуки божественной музыки и сидит в окружении величественных мужей, среди которых постепенно начинает узнавать лики с чертами великих суфиев, говоривших ему невыразимо мудрые слова. Когда Идрис открыл глаза, в его ушах таяли обрывки фраз и продолжала звучать прекрасная музыка, он почувствовал, что улыбается.

Став намного старше, он вспомнил этот сон и понял, что это был первый знак для него, идущего по Пути.

Вторым знаком стало пророчество его деда, перед смертью позвавшего сыновей и внуков и сказавшего, указывая на Идриса, что именно такого внука он ждал от Всевышнего – «он пронесет учение по всему миру».

Третьим знаком стало видение лица Пророка, ласково склонившегося над спящим юношей и осветившего его сиянием своей благодати.

Обо всех этих знамениях он вспомнит позднее, уже обучаясь у суфиев, – воспоминания предстанут перед ним так ярко, словно он опять вернулся в детство...

Но пока жизнь Идриса не превратилась в легенду, он с удовольствием слушает деревенские сказки Симлы среди слуг на кухне (в 1906 году писательница Элис Дрэкот выпустила сборник местных преданий), рассказы стариков у красно-желтого храма Джакхи, или, как его называли, «обезьяньего храма».

«Когда Шах начал писать, он словно вернулся назад, в свое детство, и ясно представил буквально сотни рассказов простого народа: он учился у слуг, у деревенских рассказчиков,

у великой персидской литературы и даже «только из воздуха» (Э. Кистер-мл. Великий шейх суфиев).

С вершины горы, на которой стоит храм, открывается прекрасный вид на любимые Идрисом Гималаи, а старики судачат о местных звездах, писателе Редьярде Киплинге, который «в точности описал Симлу» в своей книге, или о «белом маге» Александре Джейкобе, местном маге и ювелире. Рассказывают, что он мог становиться невидимым: приглашенные к обеду гости видели только нож и вилку, мелькавшие в воздухе. А в его саду – и только там в целом городе – порхают прекрасные яркие бабочки.

Говорят, что всем этим чудесам его научил один великий суфийский святой, точнее, его блуждающий дух и теперь Джейкоб, хотя он белый, да еще, поговаривают, русский, обладает частью мистической силы мусульман.

...Все эти были и небылицы крепко запали в душу юного Идриса. Ах, если бы он мог повелевать тайными силами и сделать так, чтобы вокруг его дома тоже всегда летали бабочки! И чтобы горы никогда не были закрыты тучами и он всегда мог их видеть от своего дома...

Прощайте, Гималаи, здравствуй, Саттон

Увы, нашим желаниям часто не суждено сбыться. Скоро семья начала собираться в дорогу в далекую страну, о которой Идрис так часто слышал от отца. Намерения отца явились для него полной неожиданностью.

Отец Идриса, полный амбициозных планов, решил вернуться в Европу. Они переезжали в Англию, в Лондон, точнее, на его дальнюю южную окраину, в округ Саттон, входящий в состав 33 округов Большого Лондона. Из Саттона до The Big Smoke, как называют лондонцы свой город, ходили красно-синие электрички, а само местечко было похоже на бедную европейскую деревушку, в которой самыми большими достопримечательностями были Королевский госпиталь и две тюрьмы. Но пока только это место было им по средствам.

Сирдар Икбал активно занялся торговым бизнесом, писал книги, пытался заниматься политикой, но выдающихся успехов не достиг, и достаток семьи был хотя и достойным, но довольно скромным. Разумеется, помимо обычной деятельности бизнесмена Икбал занимался и служением – по некоторым данным, как уже упоминалось, он был тайным советником и наперсником некоторых восточных мировых лидеров и даже имел частную беседу с королем Георгом V. Некоторые источники утверждают даже, что Сирдар Икбал до начала Второй мировой войны побывал с секретной миссией в советской Средней Азии, но есть большие сомнения в достоверности данной информации.

У братьев Омара и Идриса появилась младшая сестренка Амина. Однако Идрис, ошарашенный расставанием с домом, с горами, со всем, что любил всем сердцем, резко изменился – открытый и живой мальчик стал робким и молчаливым.

Вот и первый духовный кризис. Ребенок принимал готовую веру отца как нечто само собой разумеющееся, но растущий разум подверг детские верования суровой критике, признав их нелепыми и постаравшись отвергнуть. Часто в подобные периоды совершаются «революционные», но по сути глупые, несколько кощунственные и полудетские попытки все опровергнуть. Человек пытается на время найти спасение в науке (чтобы потом вернуться к своей религии, поняв, что наука имеет представление лишь о внешних фактах действительности).

Идрис много читал в это время, восполняя пробелы домашнего обучения, возможно, тогда он впервые для себя открыл все великолепие классической персидской литературы и поэзии, неразрывно связанных с суфийской традицией.

Таких тихих и робких мальчиков обычно обижают в школе, к тому же он был не белым англичанином, а полукровкой с черными кудрявыми волосами, смуглой кожей и жгучими черными глазами... Эмигрантов, подобных их семье – зажиточных, интеллигентных восточных людей, – в Англии тогда было совсем немного, как и вообще эмигрантов.

Но Идрису и его брату, Омару Али, повезло: в Саттоне тогда не было сильного предубеждения к чужакам, как говорят в Англии, «карманы от них не прятали». Они могли спокойно общаться со сверстниками, постепенно принявшими их в свое мальчишеское братство, и даже пользовались немалым уважением за твердость характера в сочетании с большой долей восточной дипломатичности.

Часть 2. Юность: ветер перемен

Тяготы войны: эвакуация, бомбежки

Идрис вырос, и, как всякого подростка, его мучили вопросы о выборе жизненного пути. Родные вершины Гималаев казались теперь такими далекими, что вспоминались все реже. Он стал воспитанником одновременно двух культур, сыном Востока и Запада. Юношу захватила скорость жизни крупнейшей европейской столицы.

Они редко выбирались из пригорода, и хотя Идрис и представлял себе, что Лондон – большой город, но все же, в первый раз очутившись там, испытал разочарование. Да, здесь были блеск, шум и все великолепие мегаполиса, но он словно не понимал, на что смотрит.

Дома – великолепны, но их величие нельзя было сравнить с величием его гор, а мечети Афганистана казались ему более похожими на сказочные дворцы, чем, например, Букингемский.

В парке громко кричали какие-то религиозные ораторы, сообщавшие о конце света или пришествии инопланетян и собиравшие вокруг себя только праздных зевак, которых обтекала равнодушная толпа. И Идрис, с детства соприкасавшийся с самым сокровенным эзотерическим знанием, с разочарованием и даже некоторым стыдом отворачивался от них...

И все же он успел всей душой полюбить новую родину, которая вначале казалась ему такой странной. С ее такими нелепыми сковывающими обычаями, как, например, отношение англичанина к своему дому. Идрису за его непродолжительную жизнь пришлось пожить во многих местах, он считал, что переезды с места на место естественны. Но англичане считали, что настоящий дом – обнесенный изгородью, с небольшим палисадником под окнами. Английские соседи Шахов, такие приветливые и предупредительные, всегда давали четко понять, что такое «частная жизнь». Границы участков были «священными», словно невидимая, но непреодолимая стена: если ее пересекали маленькие дети их соседей, их тут же забирали обратно с извинениями.

Незнакомцев не принято было приглашать в дом или даже в прихожую – с ними разговаривали строго на пороге дома (как это отличалось от обычаев клана его деда и отца!). Если их приглашали в гости, то происходило это за две-три недели, чтобы не дай бог не нарушить их планы. О своем приходе следовало сообщить заранее хотя бы телефонным звонком, хотя общение по телефону считалось чуть ли не святотатством – вдруг вы отрываете человека от телевизора или разговора или у него нет настроения общаться... Почта – гораздо более приятный способ общения: вскрыть письмо и ответить на него человек может в любое удобное для себя время. Англичане тратили очень мало денег на продукты – ежедневная трапеза семьи Идриса показалась бы любому англичанину расточительством, но привыкнуть к вкусу овсянки с зеленью Идрис так и не смог...

...Ветер оторвал его от мыслей, швырнув под ноги газетный листок с броским заголовком, сообщавшим о начале войны. Дома он читал газеты, но старательно пропускал информацию о далеких войнах, обо всем, что происходило за границами страны; ему казалось, что чтение этих сводок просто отнимает у него драгоценное время.

Война для Идриса началась внезапно – с бомбежек. А точнее, с тревожных слухов, которые так волновали его мать. Сначала до нее долетели слухи об атаке на Уимблдон и Кройдон, далекие пригороды Лондона, затем несколько бомб упали на Крипплгейт, в центре города. Король Георг VI и королева отказались оставить Лондон даже после попадания нескольких бомб в Букингемский дворец.

Идрис помнит, как тихо родители обсуждали это на кухне, переходя с английского на персидский в самые патетические моменты. В этот момент ему показалось, что устойчивый привычный мир студента колледжа, сына успешного предпринимателя, любящего сына и брата исчезает, уступая место другому, где и он сам должен быть другим.

А война наступала на мирный город. Седьмого сентября в пять часов утра шестьсот немецких бомбардировщиков одной сплошной огненной волной, несущей смерть и разрушение, прошли над восточной частью города, сбросив тонны бомб. Возникли массовые пожары в жилых кварталах и на электростанциях, оставивших часть города без света. Город был похож на океан огня. Деревянные телеграфные столбы не выдерживали жара и начинали дымиться, а затем, как спичка, мгновенно вспыхивали сверху донизу, хотя языки пламени к ним даже не подступали.

Казалось, горела сама земля – это дымилось покрытие из деревянных дорожных колод... Ни пожарные, ни добровольцы не могли обуздать бушующее пламя. На берегах Темзы пылали оставленные там деревянные баржи, и издалека казалось, что горит сама река. От страха и безысходности люди сбегались в храмы и, стоя всю ночь на коленях, в рыданиях обращались к небесам с молитвой. Для всех, кто прошел через эту ночь, она стала самым страшным переживанием в жизни. Только в сентябре на Лондон было сброшено почти тридцать тысяч бомб, и зенитная артиллерия англичан была бессильна против немецких бомбардировщиков...

Семья Шахов не стала дожидаться этого огненного апокалипсиса, в конце августа Элизабет и дети были эвакуированы в более безопасный Оксфорд, в 90 км от Лондона. В страшной спешке и панике семья собралась; упаковав вещи и одежду, они тронулись в дорогу, не зная о том, закончится ли их путь там или им придется ехать все дальше и дальше...

Англичане в ускоренном темпе разрабатывали контрмеры – устройства, создающие радиопомехи, ложные радиомаяки, новейшие радары... Большая часть немецких войск была переброшена на Восточный фронт, и масштабные бомбардировки превратились в редкие рейды... Семья осела в Оксфорде.

Оксфорд. Три года науки

В Оксфорде, всемирно знаменитом университетском центре и административном центре графства Оксфордшир, столице студентов, жизнь текла намного быстрее и оживленнее, чем в Саттоне. Этот город славился древней историей – ведь основан он был в X веке, а уже в XII–XV веках была построена большая часть сорока колледжей. Сначала там обучались только священнослужители, и лишь потом Оксфорд стал почти обязательным этапом образования представителей высшего класса.

Больше половины населения городка во все века составляли школяры – задиры и забияки, вольнодумцы и зубрилы. В XIII веке из-за массовой драки между студентами и горожанами часть школяров вместе с профессорами сбежала в Кембридж и основала там новый университет, положив начало многолетней вражде. Железнодорожная ветка, раньше соединявшая два городка, была закрыта, а подача заявлений о приеме до сих пор производится в разное время. Когда-то великого поэта Шелли отчислили из университета за безбожие – сегодня в Оксфорде ему воздвигнут памятник. А вот духовному лидеру Кришнамурти даже после нескольких попыток не удалось сюда поступить.

Университет состоит из 39 колледжей, факультетов и семи закрытых учебных заведений, принадлежащих к религиозным орденам.

Идриса вдохновлял девиз Оксфордского университета: «Dominus Illuminatio Mea» – «Господь – мой свет». Идрис наслаждался жемчужинами живописного европейского искусства, исследуя залы прославленного оксфордского музея Ashmolean, любуясь подлинниками Микеланджело, Леонардо да Винчи, Рафаэля и Рембрандта.

В октябре, перед планируемым поступлением, он подал заявление в колледж, и после рассмотрения его рекомендательных писем и оценок Идрису прислали несколько письменных тестов, на которые он успешно ответил. Кроме того, при поступлении учитывались и оценки школьных экзаменов, которые не должны были быть ниже оговоренного балла.

И вот он стал студентом одного из самых престижных учебных заведений!

Идрис учился вполне успешно – он хотел стать мудрым.

«Желаю быть мудрым»

Люди часто путают дервишей, которые идут по суфийскому пути, и Суфи, которые уже прошли его.

Вот история, рассказанная дервишем, которая помогает осознать это различие.

Жил был однажды юноша, рассказывал он, который разыскал дервиша и спросил его: «Я хочу стать мудрым, как мне достигнуть этого?»

Дервиш вздохнул и ответил: «Жил некогда один юноша, похожий на тебя. Он хотел стать мудрым, и его желание было весьма сильным. Внезапно он обнаружил, что сидит, как я сейчас, напротив юноши, который спрашивает его: "Как мне стать мудрым?"»

Идрис Шах. Искатели истины

В годы студенчества Идрис, вероятно, чувствовал себя духовно одиноким – в нем происходила огромная духовная и религиозная работа, а интересы его сокурсников ограничивались обычными заботами обеспеченной молодежи – танцами, вечеринками, знакомствами с девушками, новыми марками автомобилей. Но Идрис никогда не сторонился своих сверстников, напротив, осознав свое духовное превосходство, свою непохожесть, он не раздражался из-за пустой светской болтовни и находил в ней для себя определенный отдых.

В юности он увлекался теософией, трудами Сведенборга и Парацельса, теперь Идрис пытался и не мог найти объяснения своим сильнейшим мистическим переживаниям и некоторое время потратил на то, чтобы разграничить опыт мистический и оккультный. Выбор его чтения становился все более критическим и систематичным. Он увлекся философией Спинозы, объясняющего на свой лад то, что он давно чувствовал, – духовное всеединство мира (великий философ считал, что вся множественность материальных вещей происходит из единой духовной субстанции) и возможность «третьего познания», интуитивного. Идриса привлекало и религиозное восприятие жизни в трудах Шопенгауэра, его точка зрения западного буддиста, стремившегося к нирване – освобождению от страданий через подавление воли к бытию. Идрис решил, что необходимо пополнить свои знания об основных восточных религиях.

Ощутив, что занятия философией не могут удовлетворить метафизические запросы его духа, но и ортодоксальный ислам не отвечает полностью его духовным запросам, Идрис начал искать более гармоничное, более универсальное мировоззрение.

Неделями он просиживал в крупнейшей университетской библиотеке, основанной в XVI веке и содержащей более шести миллионов книг!

Он начал изучать стихи великого Руми и рубаи Омара Хайяма. Один из его американских приятелей рассказал ему историю о том, как одно рубаи Хайяма спасло жизнь его земляку. Американец Эрл П. Хейни страдал от неизлечимой болезни и со дня на день ждал смерти. Но однажды в книжном магазине ему на глаза попался томик стихов Хайяма, открытый на странице со следующим четверостишием:

*Бери от жизни все, что в силах взять,
Пока сойдешь туда, где низок, тесен
Твой будет дом, и без вина, без песен,
Как прах, во прахе будешь ты лежать.*

Эрл купил себе гроб и... отправился в кругосветное путешествие. Он пил виски, курил (поняв слова притчи буквально), обедался и развлекался ночи напролет. Он попадал в страшные бури, дважды тонул, поймал акулу – и вернулся домой здоровым!

Идриса поразила эта история и он еще сильнее заинтересовался жизнью и творчеством великого поэта. Этот великий поэт и суфий был открыт западному миру в 1859 году, когда поэт и переводчик Эдвард Фицджералд, влюбленный в его стихи, издал первую книгу «Рубайят Омара Хайяма». Книга не пользовалась успехом, пока с ней совершенно случайно не познакомились популярнейшие тогда поэты Суинберн и Россетти. Они были поражены, они были вдохновлены и пропагандировали свое открытие на каждом шагу. Имя Хайяма стало модным, на Западе начался настоящий бум – только в Америке тиражи его изданий превысили тиражи всех поэтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.